

С. В. Панченко

ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ХАНТЫЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ 1870–1930 ГОДОВ

Исследование основано на данных русских письменных источников 1870–1930 гг. Показано существование вариантов в процессе адаптации хантыйской лексики в русском языке конца XIX – начала XX в. и анализируются причины вариативности на разных языковых уровнях.

Ключевые слова: хантыйская лексика, русские письменные источники, вариативность в процессе заимствования.

Цель статьи – показать существование вариантов как закономерность процесса адаптации хантыйской лексики в русском языке конца XIX – начала XX в. и проанализировать причины вариативности на разных языковых уровнях.

Источниками исследования послужили 289 русских печатных работ 1870–1930 гг., а именно монографии и статьи в журналах, описывающие в целом или подробно разные районы проживания «костяков» в бассейне р. Оби с притоками. Более 500 лексем, язык-источник которых не имел письменности до 1931 г., приводятся в русской графике и представляют интерес с точки зрения их адаптации в русском языке посредством функционирования в письменных текстах.

Комплексный анализ хантыйской лексики в источниках позволил проследить пути ее проникновения в русский язык и определить функцию того или иного исходно хантыйского слова в конкретном датированном тексте. Очевидная неоднородность хантыйских лексем по степени освоенности обусловила их распределение на I – **слова-вкрапления** (390 единиц), II – **окказиональные заимствования** (34 ед.) и III – **заимствования** (77 ед.) по нескольким критериям: функциональному (указание в тексте на хантыйскую или русскую сферу употребления слова), формальному (степень графической, фонетической, морфологической ассимиляции), семантическому (степень смысловой ассимиляции), количественному (частотность фиксации) и лексикографическому (фиксация слова в словарях русского языка).

Слово-вкрапление – лексема, употребляемая как вставка из хантыйского языка в русском тексте, переработанная на графико-фонетическом уровне с учетом графической и звуковой системы русского языка.

Окказиональное заимствование – лексема, в разовом порядке употребляемая в русском тексте, освоенная на графико-фонетическом и морфологическом уровне, но, наряду с признаками вхождения в русскую речь автора, сохраняющая признаки «инородности».

Заимствование – лексема хантыйского происхождения, освоенная в русском языке и часто употребляемая в источниках.

Вариативность в функциональном статусе лексики

Одно и то же слово в текстах разных авторов и в разное время может функционировать по-разному: всего слов-вкраплений из хантыйского языка – 452, из них только в этом статусе 390; из 34 окказиональных заимствований 21 лексема зафиксирована и в статусе слова-вкрапления, а из 77 заимствований – 41. Такое варьирование в функциональном статусе конкретной лексемы свидетельствует о живом процессе заимствования.

Вариативность на графическом уровне

В письменных источниках отражена вариативность при **передаче на письме структуры слова**. В структурном отношении лексемы можно разделить на однословные и многокомпонентные. Из 452 слов-вкраплений этимологически 165 – двусоставные, 28 имеют 3 компонента, 4 состоят из 4 слов. Заимствования окказиональные и освоенные оформлены как одно слово, при этом этимологически 8 – двусоставные.

У 11 однословных окказиональных заимствований наряду со слитным написанием может быть отделено дефисом или апострофом русское окончание: «*волтып-а*», «*вороп-а*», «*Ллян-ей*», «*тучан-ы*» [1, с. 40, 47, 55, 50], «*чёмэх-а*» [2, с. 10], «*лонх'и*, «*менк'ом*, «*тонх'и*, «*хон'ы*» [3, № 4, с. 141, 139], т. е. освоение слова сопровождается пометой его «инородности».

При передаче в русской графике хантыйских сложных слов-вкраплений возникают варианты: 1) правильное членение на компоненты; 2) неправильное членение: «Княженика: Конда. „*мыхарганть*“» [4, с. 62] ~ ирт. *тәу* «земля», *хар* «место», кам., кр.-яр. *ан'т'* «ягода» [5, с. 898, 544, 131], букв. «земля-место-ягода».

При записи заимствований часто наблюдается отсутствие первоначального членения на компоненты: *калыдан*, *кырсем*, *неговой*, *ортик*, *патапка*, *соргамка*, *уткел*, *чеквой* [6, с. 478; 7, с. 226; 8, с. 509, 490; 7, с. 130; 9, с. 86; 10, с. 129; 7, с. 231].

Причиной структурных изменений сложной лексемы во всех случаях является то, что авторы не осознают внутреннюю форму слова: или она им не знакома у слов-вкраплений, или заимствованное слово полностью освоено. В отношении заимствований речь идет о более сложной графико-фонетико-морфологической трансформации.

Степень владения чужим языком у русских авторов влияет на выбор графических способов выделения лексем с целью привлечения внимания. В источниках существуют **графические варианты написания лексем** с разным регистром букв, шрифтом, кавычками и скобками. Одна четверть слов-вкраплений приводится в кавычках, из них 23 слова также заключены в скобки. Большинство окказиональных заимствований употребляется в источниках в кавычках, но некоторые без особых знаков, включенные в контекст: «*Ики* в другом месте копает» [11, с. 310]. Из всех заимствований одна треть имеет хотя бы одну фиксацию в кавычках: «По... „*сорам*“ и расходится... рыба» [12, с. 309]. Возможно, так выделяются слова, называющие специфические местные реалии, незнанные читателю. 3 окказионализма и 12 заимствований приведены как синонимы после русского слова в скобках: II. «Для соболиной охоты... пользуются сетями (*кулунами*)» [13, с. 35].

Графические варианты написания лексемы в одном тексте свидетельствуют об изменении функционального статуса: Казым. I. «*керан*», II. *керан* – «тесло» [14, с. 43, 52]; Обдорск. I. (*тучан*), II. «*тучан-ы*» – «мешок швей» [1, с. 40].

Меньше всего выделяются в текстах заимствования, что свидетельствует об освоенности лексики в речи русских авторов.

Вариативность на фонетическом уровне

Запись слов в русских источниках отражает: 1) фонетические процессы при употреблении слова в хантыйской речи; 2) диалектные варианты в фонетике исходного языка; 3) пути освоения слова в русском языке. Анализ фонетических изменений при фиксации лексем в источниках показал, что все слова в той или иной степени переработаны с учетом закономерностей звуковой системы русского языка. Однако, в отличие от слов-вкраплений, фонетическое освоение заимствований сопровождается их морфологической, словообразовательной и семантической адаптацией.

Вариативность при передаче звуков на письме – это закономерность, причем причины появления фонетических вариантов различны:

I. Один автор по-разному передает на письме звучание слова, принадлежащего к одному хантыйскому диалекту. Наиболее частотные явления: 1) чередование гласных в безударном слоге слова, 2) чередование парных согласных. Примеры:

ры: I. 1) Васюган. *Торам, Торум, тором, Тарым* [15, с. 41, 61, 65, 196]; 2) Вах. *Лонг, Лонх* [16, с. 491]. III. 1) *калдан, колыдан* [16, с. 460–461]. Есть ценные записи, отражающие вариации устной хантыйской речи с изменением или редуцией звука в сравнении с более поздней фиксацией слова в DEWOS: *ТУД-ХАП*. с. Обдорское. «...Приходит „туд-хап“ (огненная лодка)» [17, с. 115] ~ обд. *tut* «огонь», *хар* «лодка» [5, с. 1420, 529], «огненная лодка». Ср. обд. *tutəŋ-har* «пароход» [5, с. 529].

2. Авторы передают один хантыйский звук в слове в разных текстах по-разному. Очевидно большое разнообразие передачи специфических хантыйских звуков: [ə] – ноль звука, е, о, а, у; [i] – у, ы; [y] – к, х, г; [ɟ] – л, т; [ŋ] – н, нк, нг; [s] – с, с', ш; [w] – в, у. Например: I. Вах. *söymät läwät* (все хантыйские формы здесь и далее даны по словарю В. Штейница) [5, с. 1319, 792] – *сюгме-лыват* [18, с. 21], *сугме-луват* [19, с. 49] «пленка бересты».

3. Слово имеет фонетические варианты в разных хантыйских диалектах, что отражено в русских источниках. Примеры: I. кон. *öxəmt* – *охчам* [13, с. 52], низ., шер., каз., сын. *öxəat* – ср. Сухорукские – *охшан* [20, с. 179], обд. *öxəat* – *оксан* [16, с. 336], *охсам* [1, с. 45] – «платок». III. низ. *utləp*, каз. *woŋləp*, сын. *utləp*, обд. *otləp*, бер. *votlip, üllip* – Тобольская губерния – *вотлиб* [21, с. 5], г. Березов – *вотлип* [6, с. 478], с. Обдорское – *отлип* [10, с. 129], ср.: хант. *woŋləp* [т.е. каз.] > рус. диал. *вотлеп, отлеп* [5, с. 1556]. Новые данные в сравнении со словарем хантыйского языка В. Штейница [5]: вас. *kət-löy* «костяная пластинка для защиты запястья» [5, с. 698] – ср. Вах – *кот-лук* [18, с. 28], Сургут – *кет лук* [22, с. 128].

4. В источниках есть фонетические фиксации лексемы-заимствования в статусе слов-вкрапления. Такие вариантные данные помогают установить исходное звучание и состав лексемы, верную этимологию слова, этапы освоения в русском языке. Например: I. ПАТОМ-КУЛ. Вах. «Мороженая рыба *пáтом-кул*» [18, с. 26]. III. ПАТАН-КА. Сургут. «...одно из любимых рыбных лакомств сургутян – „*патамка*“, т.е. сырая мерзлая рыба» [23, с. 68]. с. Самарово. «*пáтанка*, сырая замороженная рыба» [7, с. 228] < вас. *patət kul*, тр.-юг. *pätət kul*, каз. *pətət xül* «мерзлая рыба» [5, с. 467].

Вариативность на морфологическом уровне

Слова-вкрапления не проявляют свои грамматические характеристики в текстах. Адаптация заимствований проявлена так: спряжение глаголов, оформление рода у имен существительных, согласование их с прилагательными, склонение с разными словоформами в источниках. Большинство лексем фиксируется с окончательно оформленной разновидностью рода, однако отмечены слова, представленные формами разного рода: лексемы

в женском и мужском роде в разных текстах: «**Кай-ма** – оленное пастбище» [24, с. 2]; «...рисунок оленного „**кайма**“ (пастбища)» [9, с. 122]. «**Кор** – лесная площадь, затопляемая во время разлива водою» [25, с. 55]; «Зыбучее моховое болото, чистое, называется „янга“, такое же осоковое – „**кора**“» [13, с. 23].

Большинство существительных мужского рода имеет в имен. падеже мн. числа окончание *-ы (-и)*, однако ряд слов оканчивается в этом случае на ударное *-а*: **важаны, еганы, карыши, менги, муксуны, саибы**, т. д. и **колега, норыма, воета, чугаса**. Зафиксированные варианты флексии **сора, соры** у одного слова в разных письменных источниках одинаково частотны.

Несколько существительных, этимоны которых имеют в хантыйском форму ед. числа, зафиксировано в источниках только во мн. числе: II. **ачи** «загороди», III. **воета** «луга», причем лексемы II. **нымыды**, III. **кенчики, кенчурь, норыма** при адаптации оформлены во мн. числе аналогично русским словам, обозначающим родовые понятия: **лыжи, носки, ботинки, вешала** [26, с. 39; 27, с. 113; 28, с. 51; 7, с. 225; 8, с. 105; 29, с. 104].

Морфологическое освоение сопровождается и словообразовательными процессами на двух уровнях: 1) при первичном заимствовании лексики из хантыйского языка в русский; 2) при функционировании заимствованной лексики в русском языке и появлении производных слов. Пример субстантивации: Тобольский Север. «Под „**емыни**“ отведены громадные площади» [28, с. 53] < ирт., низ., шер., сын., обд. *jetəŋ*, бер. *jetij* «святой», ирт. *tāxə*, каз. *tāxi*, обд. *tāxa* «место» [5, с. 372, 1408]. Ср. дем., кр.-яр. *jetəŋ tāxə* «святое место» [5, с. 373]. Первоначально являясь определением в словосочетании, слово в сокращенной форме также употреблялось в хантыйском языке на Тобольском Севере в значении «святое место»; 2) из 17 заимствований с производными в источниках 9 образуют только одно новое слово, а 8 имеют вариации частей речи (прил., сущ., гл.): **Колыдан** > **колданные** [24, с. 3]; **колданэки** [29, с. 67]; **ка(о)лыданить** [8, с. 79].

Вариативность на лексико-семантическом уровне

Варьирование в источниках связано с 1) многозначностью лексем в хантыйском языке, 2) способами их передачи по-русски и 3) адаптацией слов в процессе заимствования.

Лексическая вариативность в хантыйском языке отражена в словах-вкраплениях, зафиксированных намного позднее в словаре В. Штейница, которые обладают в источниках другими семантическими оттенками за счет новых компонентов в сложном слове или за счет новых значений: **ЛЫБЫТ-ЭТТЫ-ТЫЛИС**. Казым. «Май – Лыбыт-эт-

ты-тылис (месяц листьев)» [14, с. 30] ~ каз. *l̥pət-t̥l̥as̥* «месяц листьев», *et-* «появиться» [5, с. 201, 851–852, 1430]. «Месяц появляющихся листьев».

Полисемия в языке-источнике проявлена и в группе сложных лексем с компонентом **ЮХ** «дерево». В текстах он представлен в 3 общих значениях на основе метонимии: 1) «дерево-растение», 2) «дерево-материал», 3) «приспособление из дерева», «напр., палка, стропило, вежа» [5, с. 331–333]. Из 30 слов этой группы 11 лексем не зафиксированы в DEWOS в многокомпонентном виде, 10 приведены в других диалектах и 9 воспроизведены в словаре – такая вариативность показывает значимость данных из русских письменных источников как дополнительных сведений об ареале распространения слов. Например: Нижняя Обь. **ЛЕЙ-ДЫ-ЮХЪ** «цепь» [16, с. 462] ~ ср. каз. *l̥j-*, сын. *l̥j-*, обд. *laj-* «подвешивать», каз., сын. *j̥ix*, обд. *jix* «палка» [5, с. 721, 331–333]. «Палка для подвешивания». Ср. тр.-юг. *l̥aj̥ət̥ l̥ōy*, каз. *l̥ajit-j̥ix* «кость», т. е. «деревянный крюк для подвешивания колыбели» [5, с. 721].

Авторы текстов по-разному толковали значения приводимых ими иноязычных слов. Слова-вкрапления в подавляющем большинстве случаев переводятся правильно. Чаще всего не сохраняется структура многокомпонентных лексем (сущ. или прил. + сущ.): 1) либо используются литературные общеупотребительные термины, которые обобщают значение слова и не передают признаки реалии при номинации или метафору; 2) либо опускается оттенок значения, выраженный каким-либо компонентом сложного слова, при сохранении смысловой доминанты. Например: 1) **ПИДЕ-ВОНЗЕЛЬ**. г. Березов. «Водяника черная или вороника: бер. „пиде-вонзель“» [4, с. 28] ~ бер. *pita, piti* «черный», *in* «большой», *set* «глаз» [5, с. 1135, 110, 1338]. Букв. «Черный большой глаз»; 2) **КАРДЫ-НЁТЬ**. Казым. «Стрелы (*карды-нётъ*)» [14, с. 52] ~ каз. *karti* «железо», *ñl* «стрела» [5, с. 685, 1040]. «Железная стрела».

Наряду с этим при переводе трети многокомпонентных лексем буквально передается и их значение, и внутренняя форма. Например: Вах. «рыба... подсушивается на особой сушилке на кострище – „**кул-пянельте-леме**“ (рыбу сушит сушилка)» [19, с. 42] ~ вах. *kul* «рыба», *pānəltə-* «сушить», *ləmət* «сушилки, подмости для сушки рыбы» [5, с. 466, 1179, 767]. «Рыбу сушить сушилка». При переводе и пояснении слова-вкрапления остаются фактом хантыйского языка без процессов трансформации значения слова в новой языковой среде. Более сложные процессы происходят с заимствованиями.

В подавляющем большинстве случаев заимствованное слово используется в русском языке в своем изначально прямом значении. На этом фоне от-

мечены случаи расширения и сужения значения. Например: Нижняя Обь. «Иностранцы из печенки... разной рыбы изготовляют – „**моголь**“» [29, с. 106] < каз. *mõxəl*, бер. *toyoł, tıyoł* «печень» [5, с. 910].

Наличие многих фиксаций в разных источниках (речевых вариантов) наряду с другими критериями освоенности позволяет выявить 19 лексем с очевидным статусом заимствования в русском узусе, хотя они и не представлены как *рус. диал.* или *рус. зап.-сиб.* в словаре В. Штейница: 1) лексика природы (3 ед.): **ВОЕТ**. Тобольская губерния. «Поемные луга... „воета“» [27, с. 113] < низ., шер.

ujət, каз. *wojət* «луг, покос» [5, с. 25]; 2) рыболовные термины (8 ед.): **ЛИМАЗ**. Обь. Лимаз, мн. Лимазы [29, с. 6] < вах., обд. *limas*, тр.-юг., юг. *limas*, каз. *līmās* «барьер – загородка из реек или веток у заграждений для ловли рыбы» [5, с. 766]; 3) бытовая лексика (8 ед.).

Рассмотренные факты вариативности помогают в дальнейших разноуровневых реконструкциях и сопоставлениях при анализе взаимодействия языков. Кроме лингвистической сферы данные можно использовать при изучении фольклора, археологии, истории хантыйского народа.

Список литературы

1. Руденко С. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Мат-лы по этнографии России. 1914. Т. 2. С. 35–56.
2. Дмитриев-Садовников Г. Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха // Живая старина. Пг., 1916. Вып. I. Прил. № 4: С. 8–14.
3. Смирнов И. Остяки и вогулы (югра): Историко-этнографический очерк // Вестник и Библиотека Самообразования. СПб., 1904. № 2. С. 61–68; № 3. С. 99–104; № 4. С. 136–149.
4. Скалозубов Н. Л. Ботанический словарь // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1913. Вып. 21, т. 2. С. 1–87.
5. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1991. L. 1–13.
6. Щапов А. П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Сочинения А. П. Щапова. СПб., 1906. Т. 2. С. 398–480.
7. Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. 264 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1881. 779 с.
9. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. 140, 51 с. прил.
10. Бартенев В. В. О русском языке в Обдорском крае // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1, отд. 4. С. 126–129.
11. Дмитриев-Садовников Г. Картинки из жизни ваховского остяченка // Изв. Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1915. № 9. С. 307–311.
12. Патканов С. Отечествоведение. Азиатская Россия. Ч. 1: Сибирь. СПб., 1905. 432 с.
13. Шульц Л. Р. Очерк Кондинского района // Урал: Техничко-экон. сб. Вып. 8: Уральский Север. Свердловск, 1926. Ч. 1. С. 19–57.
14. Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1916. Вып. 26. С. 1–57.
15. Плотников А. Ф. Нарымский край // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению статистики. СПб., 1901. Т. 10, вып. 1. 366 с.
16. Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. 578 с.
17. Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. 154 с.
18. Дунин-Горкавич А. А. Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов. Тобольск, 1910. 58 с.
19. Шатилов. Пища Ваховских остяков. Томск, 1929. С. 41–50.
20. Головачев П. М. Путешествие итальянца Сомье по Сибири // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. 1. С. 169–195.
21. Новицкий В. М. Отчет исследовательского и лечебного отряда общества изучения края при Госмузее Тобсевера // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. Тобольск, 1928. № 1. С. 1–24.
22. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. X, 281, 78 с.
23. Швецов С. Очерк Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1888. Кн. 10. С. 1–87.
24. Дунин-Горкавич А. А. Словарь технических терминов, употребляющихся в работе // Север Тобольской губернии. Опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности ее населения. Тобольск, 1897. С. 1–4.
25. Дунин-Горкавич А. А. Словарь некоторых технических и местных терминов // Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М., 1996. Т. 2. С. 54–57.
26. Куклин С. Краткий обзор охоты в Сургутском крае // Наш край. Тобольск, 1925. № 8/9. С. 26–42.
27. Статистика Российской Империи. Т. 27: Волости и населенные места 1893 г. Тобольская и Енисейская губернии. СПб., 1895. Вып. 10: Тобольская губерния. 204 с.
28. Эрстов А. Уральский север. Тобольск, 1930.
29. Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. Т. 1: Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. СПб., 1898. 143 с.

Панченко, С. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи.

Уральская государственная юридическая академия.

Ул. Комсомольская, 21, Екатеринбург, Свердловская область, Россия, 620137.

E-mail: panch@e1.ru

Материал поступил в редакцию 25.11.2011.

S. V. Panchenko

**VARIABILITY IN THE PROCESS OF BORROWING ON THE DATA OF KHANTY WORDS
IN RUSSIAN WRITTEN SOURCES OF 1870–1930**

The research is based on the data of Russian written sources, published in 1870–1930. The author shows the existence of variants in the process of adaptation Khanty words in the Russian language in the late 19th – early 20th century and analyzes the causes of variability in different linguistic levels.

Key words: *Khanty words, Russian written sources, variability in the process of borrowing.*

Ural Academy of Law.

Ul. Komsomolskaya, 21, Ekaterinburg, Svedlovsk region, Russia, 620137.

E-mail: panch@e1.ru